

АЛЪБИНА НУРИ

СКВОЗЬ СТРАХ

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

Голоса тьмы

Альбина Нури
Сквозь страх

«Автор»

2023

Нури А.

Сквозь страх / А. Нури — «Автор», 2023 — (Голоса тьмы)

Переезд на новое место не всегда означает перемены к лучшему. Лора убедилась в этом на собственном опыте, когда вместе с мужем и маленькой дочкой стала жить в доме в центре Быстрорецка. В некогда счастливой семье теперь разлад, долгожданная беременность протекает тяжело, а красивый, уютный дом пугает своих обитателей и превращается в ловушку. Новый роман Альбины Нури – это не одна из историй про дом с привидениями. Все окажется куда страшнее! Лоре предстоит разгадать тайну дома, спасти родных и узнать, что в мире есть вещи гораздо хуже смерти.

© Нури А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава первая	11
Глава вторая	15
Глава третья	19
Глава четвертая	23
Глава пятая	27
Глава шестая	31
Глава седьмая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Альбина Нури

Сквозь страх

*Не мёртво то, что в вечности живет,
Со смертью времени и смерть умрет.*
Говард Филлипс Лавкрафт

Пролог

Это было страшное место. Самое страшное из всех, где ей доводилось бывать. Да, она была совсем мала, но за короткую свою жизнь испытала и насмотрелась столько, сколько другим и за пятьдесят лет не доведется.

Домишко, где она жила с родителями, братьями и сестрами, был тесный и темный, как собачья конура. Изуродованная нищетой и тяжелой работой мать по утрам смотрела на семейных детей хмуро и разочарованно, как будто надеялась, что за ночь их станет меньше: кто-то из отпрысков не проснется – и тогда еды нужно будет меньше.

Три мальчика и две девочки умерли, исполнив тайное желание матери, но остальные цеплялись за жизнь, упорно не желая покидать этот мир. Хотя, видит бог, ничего хорошего тут для них не было, только изнурительный труд с утра до вечера, борьба за кусок хлеба, возможность забыться в хмельном дурмане по выходным, супружество с такими же несчастными и воспроизведение новых поколений, обреченных на беспросветную нищету и отупляющую работу.

Девочка отличалась от других. Она была красивой – самой красивой не только в их семье, но и в кругу соседей, родственников, знакомых. Идеальные черты лица, волосы, струящиеся блестящей черной волной, фарфоровая кожа...

«Откуда только взялась такая», – дивились родители.

Соседка как-то сказала, что, как девочка немного войдет в возраст, ее надо отправить работать на улицу – там хорошие деньги получать можно, клиенты бывают щедры к таким куколкам, пока те молоды и хороши. Поможет семье!

– Мы ей мужа отыщем богатого, – смеялась мать. – Так еще лучше.

– Где его взять-то, такого? – сердился отец.

Малышку ждала злая доля, и сияющие глаза, хрупкая фигурка и изящные руки не могли спасти от нее девочку, наоборот, усугубляли положение. Она старалась быть полезной, помогать матери по дому, присматривать за младшими, не перечить и быть услужливой, но знала, что ее старания напрасны.

Девочка много раз видела уличных девиц: они ходили с непокрытыми головами и грубо размазанными лицами, визгливо смеялись и крутили бедрами, зазывая мужчин.

Ей не хотелось становиться похожей на них, а чего хотелось, она и сама не понимала. Должно быть, уйти отсюда, оказаться подальше от постылого дома, кривой улицы, серого жестокого города... Наверное, девочка хотела этого слишком сильно, ведь когда желаешь настоящему отчаянно, тебе это даруют. Неизвестно только, к добру или к худу.

Девочку забрали из пропахшего грязным бельем, сыростью, кислыми щами дома на окраине. За ней приехал дорого одетый человек в красивой коляске, поговорил о чем-то с матерью и отцом – те были рады. В конце мать даже порывалась поцеловать руку тому господину, но он брезгливо отдернул ладонь.

– Иди с ним, – сказал отец, повернулся и скрылся в доме.

Мать вскользь глянула на дочь, погладила по волосам – это была первая и единственная за всю жизнь ласка, а после проговорила:

– Будь послушна. Делай все, что тебе говорят, и содержи себя в чистоте.

Братья и сестры толпились у окошка. Самые младшие, поняв, что девочку увозят, заплакали, не желая расставаться с нянькой, но их слезы остались без внимания, как и робкие вопросы девочки, которые она попыталась задать матери. Та ни слова больше не произнесла, молча ушла в дом вслед за отцом. Дверь за ней закрылась. А девочку усадили в коляску и повезли.

Так она и очутилась тут, в месте, которое по прошествии нескольких дней стало казаться еще ужаснее отчего дома (а ведь, казалось бы, что может быть хуже?)

Ее продали – это она поняла сразу. Не поняла только, кому и зачем.

И не понимала до сих пор, хотя прошло уже больше двух недель, как она попала сюда.

Как выглядел дом со стороны улицы, девочка не знала, как не знала и того, на какой улице он находится. Сюда не долетали звуки внешнего мира, окна в ее комнате не было, отчего помещение казалось похожим на подвал, хотя находилось на втором этаже. Раз в день девочку выводили на прогулку во внутренний дворик, на крошечный, огороженный со всех сторон пятак. Она видела маленький цветник, старую яблоню, кусок белой стены.

Внутри дома был прохладный коридор с толстыми коврами и картинами, тусклые светильники, тяжелая резная мебель. Богатое убранство, девочке раньше не приходилось видеть ничего подобного. Конечно, она бывала только в одной комнате из всех, видела темную узкую лестницу для прислуги и всего один коридор. В большом доме, конечно, было много коридоров, комнат и лестниц, но девочке никто не собирался все это показывать.

Как не собирались с ней и говорить.

Ни одного ответа ни на один вопрос.

Ни единого слова, обращенного к ней.

Ни улыбки, ни дружеского или враждебного жеста.

Девочку словно не замечали, ее будто и не было, но вместе с тем вкусно и сытно кормили, мыли, застилали для нее широкую кровать с пологом. Возвращаясь с прогулки, она замечала, что в комнате прибрались: вытерли пыль, вымыли полы, вычистили отхожее место.

В первый день ее осмотрел доктор. Ощупал живот, руки и ноги, заставил открыть рот. Проверил и внизу живота, между ногами. Это было немного больно, а главное, стыдно, очень-очень стыдно, и девочка съежилась, глотая слезы.

Доктора, высокого и толстого человека с плоским лицом и вывернутыми губами, видимо, устроило то, что он увидел, потому что он коротко проговорил, засовывая в саквояж инструменты:

– Все в порядке. Не обманули.

Адресовал он эти слова женщине, которая стояла в углу. Позже девочка видела ее еще много раз: она заходила, чтобы поглядеть на пленницу, и, сделав это, молча покидала комнату. Девочка решила, что это хозяйка дома.

Женщина была красивой, но красота эта не радовала, а, скорее, пугала: миндалевидные черные глаза смотрели холодно, гладкая кожа казалась чересчур бледной, а слишком яркие губы – окровавленными.

Услышав вердикт, женщина усмехнулась краем рта, изогнула бровь.

– Попробовали бы они сделать это.

Девочка, пусть и была мала, догадывалась, о чем идет речь. Все же она выросла там, где жили скученно и оттого бесстыдно, на виду у всех, не имея возможности скрыть самое интимное; где не делалось скидок на детский возраст.

Она знала, что иногда мужчины и женщины проделывают непонятные вещи, а в результате у женщины начинает вспухать живот, из которого после появляются на свет дети. А еще порой мужчины хотят делать это не только с законными женами, но и с другими женщинами (теми самыми, бесстыжими, гулящими), и готовы платить им.

Так что девочка понимала, о чем говорили доктор и хозяйка дома: родители не солгали в том, что прежде с их дочерью никто из мужчин этими вещами не занимался.

После первого появления доктор появлялся в комнате девочки, но осмотр был не столь тщательным, он просто желал убедиться, что девочка хорошо себя чувствует, не больна, у нее нет лихорадки и простуды, не болит живот или голова.

Итак, ее хорошо кормили, внимательно следили за тем, чтобы у нее было все необходимое, давали удобную и красивую одежду, держали в чистой и теплой комнате. Но с каждым днем девочке становилось все страшнее.

Она от природы была наделена живым умом, чувствительностью и хорошим воображением, а потому не могла, как, возможно, многие другие на ее месте, просто радоваться тому, что в кои-то веки сыта, согрета, хорошо одета и обута. Не могла не думать, не волноваться, не представлять, что ждет ее в будущем, не спрашивать себя, чем ей придется расплатиться за предоставленные неизвестно почему блага.

А в том, что это не дается ей даром, она была убеждена твердо. Девочка росла в безжалостном мире и четко знала: ничего на свете не бывает просто так, за все всегда нужно платить.

Чем же заплатит она? Что потребуется отдать людям, которые держат ее в доме, взамен на еду и тепло?

Однажды, когда ей принесли на ужин пирог из пышного теста со сладкой начинкой, а еще кисель и ароматные груши, девочке пришла в голову догадка, от которой она похолодела. Ладони сделались ледяными и влажными, а за шиворот словно насыпали снега.

Она оказалась в плену у людоедов! Мать и отец продали дочь тем, кто собирается откормить ее хорошенько, а после съесть. Как-то раз она слышала сказку, которую рассказал детям старьевщик.

Он был немного не в своем уме, соседские мальчишки смеялись над старичком с тележкой, полной всякого барахла, а взрослые не одергивали их, тоже считая старика сумасшедшим. Должно быть, если постоянно находиться в окружении выброшенных, сломанных, ставших ненужными своим хозяевам вещей, то и сам постепенно ломаешься, забываешь, кто ты, зачем родился на свет, о чем мечтал когда-то.

Девочка не смеялась над стариком. Более того, он казался ей хорошим человеком, лучше многих, ведь он никому не делал зла, не кричал и не ругался, не пил водки, а еще знал много историй. Когда он появлялся на их улице, девочка подходила к нему, шла с ним рядом и слушала. Колеса тележки скрипели, глуховатый голос старика звучал успокаивающе, а его сказки открывали перед девочкой неведомые миры.

Старик перестал приходить прошлой осенью. Должно быть, умер. Где он жил, девочка не знала, а то нашла бы возможность навестить его. Но старик просто пропал. Возможно, переместился в одну из своих сказок...

Появившись в последний раз, старьевщик рассказал девочке самую страшную из своих историй. То был рассказ про девочку и мальчика с чужеземными именами, которые трудно было выговорить и невозможно запомнить. Они оказались в лесу и увидели красивый дом, сделанный из сладостей: окошки-леденцы, стены из печенья и пряников, наличники и дверь из шоколада и мармелада. Девочка, которая тогда еще не пробовала почти ничего из перечисленного, кроме, разве что, леденцов на палочке, была в восторге. Пока старьевщик не поведал, что в домике жила злая колдунья, которая заманивала в свой домик детей, а после пожирала их.

Дети оказались запертыми в милом домике, откуда не было выхода. Их посадили в клетки, и от немедленной смерти несчастных спасала лишь смекалка: старуха не желала есть отощавших детей, ей хотелось побольше сладкого, сочного мяса, поэтому она кормила свой будущий ужин. А когда хотела убедиться, что жирок нарастает, совала в клетку руку, ощупывала пленников, как повар ощупывает мясо на рынке перед покупкой. Колдунья была подслеповата, и ей подсовывали косточку, а она злилась, что дети никак не желают набирать вес.

Долго это продолжаться не могло, но дети оказались находчивы: когда ведьма собралась-таки полакомиться ими, сами отправили ее в печь. У сказки был счастливый конец, но девочка долго не могла оправиться от услышанного, ставила себя на место обреченных на съедение детей, ей даже снилось, будто это ее посадили в клетку.

Глядя на стол, уставленный едой, девочка поняла, что та сказка и вправду оказалась про нее. Только теперь она знала, что у старухи нет уродливого горба, нечесаных седых волос и глубоко посаженных красных глаз, как рассказывал старьевщик. Нет. Ведьма была молода и хороша собой, однако намерения ее оставались точно такими, как описал старик.

Девочка была так напугана, что не могла есть, а утром пришел доктор: решили, что она заболела, вот и отказывается от еды. Не спавшая всю ночь, трясущаяся от страха девочка от отчаяния решилась попробовать убежать: доктор был толстым и неповоротливым; молчаливой (вероятно, даже немой) коренастой служанки, которая кормила девочку и убирала комнату, не было.

Бедняжка вывернулась из рук доктора и побежала по коридору, сама не зная, куда бежит, в какой стороне выход. Дворик, где она гуляла, окружал высокий забор, через него не перелезешь, а калитка заперта на замок. Значит, надо попробовать найти главный вход или окно, через которое можно выбраться, или...

Ничего сделать девочка так и не успела. В конце коридора ее поджидала ведьма-людоедка, хозяйка пряничного дома.

– Далеко собралась? – насмешливо спросила она, а после схватила девочку за плечо.

Пальцы ее были холодными и твердыми, как каменные стены девочкиной темницы, а хватка цепкая и сильная. Девочка забилась в руках ведьмы, а тут уже и доктор подоспел, пыхтя и отдуваясь, и служанка, и еще какой-то высокий седовласый человек.

Вернуть девочку в комнату им не составило никакого труда, а она изо всех сил старалась не расплакаться, чтобы не показывать им свой страх и слабость.

– С чего тебе вздумалось бежать, глупышка? – спросила хозяйка. – Разве тебе плохо тут? Хуже, чем в доме твоих ничемных родителей? Тебя холят и лелеют, как принцессу, заботятся о тебе, как никогда и никто прежде.

– Вы хотите меня съесть! – выкрикнула девочка, не давая ведьме договорить.

На красивом лице той отразилось удивление, а после она рассмеялась – сухо и безрадостно, как зимний ветер, завывающий в трубе.

– Надо же, – проговорила она, отсмеявшись, – да ты у нас выдумщица! Не волнуйся, детка, тебя не собираются есть.

– А что тогда? Зачем я вам?

Разумеется, ведьма не ответила. Повернулась и ушла. С того дня девочку охраняли еще тщательнее, но она и сама уже больше не пыталась бежать: понимала, что все бесполезно.

Через несколько дней пленница проснулась утром и обнаружила, что в комнате полно людей. Тут были хозяйка, доктор, двое мужчин, а еще – старуха, сидевшая в кресле напротив кровати. Не понимая, как могла не услышать их шагов, скрипа открываемой двери, перешептываний, девочка открыла глаза и села, подтянув одеяло к груди.

– Значит, вот она, – проскрипела старуха.

На ней было темно-синее платье из плотной поблескивающей ткани, ворот застегнут тяжелой камеей. Цвет платья подчеркивал болезненную желтизну кожи, губы были настолько узкими и бесцветными, что казалось, будто их вообще нет. Полный неестественно белых и крупных зубов рот открывался и закрывался, как черная дыра. Гостья выглядела не просто старой, но ветхой и хрупкой, похожей на сухое дерево, лишившееся всех своих жизненных соков.

– Велите ей встать и одеться, я хочу посмотреть, – продолжала старуха.

Девочке пришлось делать все, как она сказала.

Служанка действовала умело и ловко, и вскоре девочка была одета, умыта и причесана.

– Хорошо, – кивнула старуха. – Очень хорошо. Она действительно красива. – Губы разъехались в улыбке. – И выглядит свежей.

«Она говорит обо мне, точно я кусок мяса или рыбы, – подумала девочка. – И говорит так, будто меня тут нет».

– Вы довольны? – осведомился мужчина, стоявший подле хозяйки дома. Та поглядела на него со скрытым недовольством, как будто он сказал что-то лишнее.

Старуха поднялась с кресла.

– Присматривайте за ней, – произнесла она. – Хорошенько за ней присматривайте.

Наверное, это должно было означать, что старуха довольна.

Вскоре посетители покинули комнату, и девочка осталась одна. Ей принесли завтрак, а потом вывели погулять. Крапал дождик – мелкий и бесшумный, похожий на водяную пыль, повисшую в воздухе. Девочка стояла во двореке, а служанка, вытянув руку, держала над ней раскрытый зонт.

Вот в тот момент девочка и поняла окончательно, со всей очевидностью, что ей не спастись. Не покинуть этот дом, не вернуться в большой мир.

Поняла и покорилась.

Эти люди, кем бы они ни были, может, вовсе не людьми, сделают с нею то, что задумали. А ей придется подчиниться, ведь она мала, слаба и не сумеет противиться чужой воле.

Некому помочь. Некого позвать на помощь. И ничего с этим не поделать.

Дождь усиливался, и служанка увела свою подопечную в дом.

Тяжелая дверь захлопнулась за спиной у девочки, как крышка гроба.

Глава первая

Я все еще не могу понять, как так вышло. Как все это случилось со мной, почему я позволила этому произойти.

Беспомощные вопросы, ответы на которые нужно было искать раньше.

Но, с другой стороны, это машина врежется в столб внезапно, а жизненные изменения происходят постепенно, исподволь, даже не заметишь.

Я тоже не замечала, а когда раскрыла, наконец, глаза, было уже поздно. Впрочем, моя мама говорит, что никогда не бывает слишком поздно, всегда есть выход. Только вот мама не оказывалась в *такой* ситуации.

И мало кто оказывался. Потому что ситуация...

Ладно, лучше начать по порядку. Если сумею изложить все подробно, вспомнить малейшие детали, то есть вероятность, что получится составить в голове полную картину, разобраться.

Получить шанс на спасение.

Ведь у каждого должен быть шанс, верно? Это тоже мама говорила, и вот тут я с ней полностью согласна.

... Все началось весной, в конце марта. Вернее, глобально-то началось, конечно, намного раньше, но именно с двадцать шестого марта пошел отсчет событий. Возможно, в тот день еще существовала вероятность все изменить, но мы ею не воспользовались.

А скорее всего, даже тогда было уже поздно.

– Лора! – голос Юры вибрировал от счастья. Кажется, он так не радовался, даже когда я согласилась выйти за него замуж. – Ты что, не поняла еще ничего? Или ты не рада?

Лора – это производное от Лауры. Так меня называли родители, и в этом нет ничего особенно удивительного. Я родилась в Казани, а там часто дают детям необычные имена, особенно детям от смешанных браков (как раз мой случай, папа у меня русский, а мама – татарка). В Казани (и в целом в Татарстане) никто не удивляется, когда слышит имена вроде Эвелины, Венеры, Луизы, Альбины, Рафаэля или Альфреда. Лаура – в том же ряду.

Но в моем случае имя быстро переродилось в Лору, и мне хотелось официально закрепить эту перемену, только мама отговорила: возникнет путаница, придется менять слишком много документов, то и дело нужно будет подтверждать, что Лаура и Лора – один и тот же человек. Да и в целом имя Лаура ей очень нравилось, мама никогда не называла меня Лорой.

Я решила, что эти сложности со сменой документов мне ни к чему. А потом окончательно выбросила эту идею из головы, потому что отправилась учиться в Быстрорецк (если честно, университетов и институтов много и в Казани, но мне захотелось перемен, самостоятельности, приключений), вскоре встретила Юру, с головой окунувшись в наш бурный и прекрасный роман и вышла замуж.

В тот мартовский день, когда Юра сообщил мне потрясающую новость, мы с ним стояли в тесной кухне нашей маленькой квартирке на шестом этаже девятиэтажного дома. «Зато своя» – этими двумя словами исчерпывались все достоинства нашего жилища.

Девятиэтажка торчала в ряду своих братьев-близнецов на окраине города. Летом тут было пыльно и жарко, мало зелени и много машин. Зимой дворы заваливало снегом, и сложенная «семерка» нашего соседа, что стояла у подъезда, превращалась в гигантский сугроб, оттаивая уже по весне (вместе с пластиковыми бутылками, собачьими какашками, упаковками от чипсов и прочими «подснежниками»).

Я люблю Быстрорецк, это большой город, шумный и оживленный, как и положено крупному мегаполису. Мне нравится смотреть на руку Быструю, что пронзает его серебристо-синей

стрелой, я люблю гулять по старому центру, мне нравятся размах Быстрорецка и его беспокойный характер. Но спальные районы нагоняют на меня тоску. Безликие строения, захламленные балконы, однотипные детские площадки, ряды машин, припаркованных возле домов...

Тут можно всю жизнь прожить, не зная, кто обитает в соседней квартире. На тебя обратят внимание, только если ты затопишь квартиру этажом ниже или будешь бузить и орать по ночам, мешая людям заснуть.

Мы с Юрой, конечно, радовались, что имеем собственное жилье, но мечтали переехать за город, поселиться в большом доме. Особенно актуально это стало, когда появилась Ксюша: троим в однушке совсем мало места, не разминуться.

А уж когда стало ясно, что нас станет четверо!..

Материнский капитал – вот что должно будет спасти нас от тесноты. Продать эту квартиру, добавить предлагаемые государством сколько-то там десятков тысяч рублей – вот тебе и взнос за квартиру побольше. Или за дом в коттеджном поселке, если банк одобрит. Остальное мы выплатим, возьмем ипотеку, оба же работаем.

Это был хороший план. Точнее, он казался хорошим, пока на смену ему не пришел лучший. Лучшее – враг хорошего, так ведь говорится. Но я в тот момент не понимала этого. А может, эту фразу вообще все неправильно понимают.

Я немного сумбурно рассказываю, сбивчиво. Непросто собраться с мыслями, а ведь очень хочется донести все в точности, ничего не упустив.

Так вот, Юра радовался. Сейчас объясню, чему именно, в чем заключалось то самое, «лучшее». Но для этого придется немного отступить в прошлое, буквально на три месяца.

Мы встречали Новый год дома.

Моя мама по-прежнему живет в Казани, у нее новый муж: вышла замуж через десять лет после смерти папы. Иногда мы праздновали встречу грядущего года у родителей Юры, но три года назад они развелись. Отец отчалил в счастливое будущее с молодой женщиной, а вскоре умер от инфаркта.

Мать, погоревав, сколько положено (скорее, об измене, чем о скоропостижной кончине супруга), вдруг осознала, что жизнь проходит, и стала всеми силами останавливать ее, пытаясь замедлить ход времени: постоянно куда-то ездила, встречалась с подругами, похудела на пять килограммов и накупила, по мнению Юры, совершенно вызывающей одежды, а еще запретила Ксюше на людях называть ее бабушкой.

Недавно у Татьяны Петровны появился поклонник. Говорю все это отнюдь не с осуждением: человек волен проживать жизнь так, как захочет! Я всего лишь объясняю, что встречать наступающий год в нашей тихой компании Юрина мама, внезапно обретшая вторую молодость, не собиралась.

Наше трио вознамерилось традиционно поесть салатов, отведать пельменей, запустить салют, зажечь бенгальские огни, загадать желания и пожелать друг другу счастья под бой курантов, вытащить из-под елочки подарки, сделав вид, что содержимое пакетов и коробок – полная неожиданность, и улечься спать.

Ксюша не ждала Деда Мороза, она перестала в него верить еще в прошлом году. Теперь ей семь, она первоклассница, взрослая дама, так что подарки заказала напрямую нам с Юрой, минуя посредника.

Однако новогодний сюрприз нас всех все-таки ждал – в лице Агаты, которая завалилась в одиннадцатом часу вечера, взбудораженная, пьяная и несчастная, хотя пытающаяся это скрыть.

Надо хорошо знать Агату, чтобы понять, до какой степени это непохоже на мою лучшую подругу. За все время нашего знакомства я ни разу не видела ее в таком состоянии.

Агата – выдающийся человек. Она успешная – как бы банально и пошло это ни звучало. Выпускница одного из самых престижных вузов, диплом с отличием, стажировка за рубежом, английский, французский, немецкий в совершенстве. Моя подруга – в числе лучших юристов

города; в самой крупной, солидной юридической компании Быстрорецка, где она работает, на Агату едва ли не молятся, вот уже пятый год она заместитель директора, а назначили ее, когда Агате было двадцать девять лет (надо понимать, что конкуренция была огромной, а желающих занять пост – десятки).

Заметим в скобках, что всего этого она добилась сама, потому что богатеньких родителей у нее нет. Да и никаких нет: Агата выросла в детском доме. Так что жизненный старт у нее был куда менее выигрышный и многообещающий, чем у большинства. Про протекцию влиятельных любовников говорить смешно, Агата не из числа рыбок-прилипал.

Внешне она тоже само совершенство: синие глаза, безупречные черты лица, густые темные волосы, фигура – все при ней. В сочетании с умом и прочими талантами ее красота производит сногшибательный эффект. При этом Агата не тщеславна, не высокомерна, не дает всем на каждом повороте понять, что она уникал, поэтому обращаться с нею требуется соответственно.

Познакомились мы случайно, на выставке модного художника, уже и не вспомню, как его звали. Мы были с Юрой, а Агата – с мужчиной, с которым тогда встречалась. Мужчина потом куда-то делся, а Агата осталась в нашей жизни. Теперь я и не представляю, как это было, когда ее не было. Хотя знаем друг друга всего три года, мне кажется, что дружим всю жизнь, с пеленок.

Ясное дело, такая женщина – нарасхват. Желающих добиться ее внимания – толпы. Но в личной жизни Агате долгое время не везло, не складывалось как-то. А потом она познакомилась с Виталием.

Он жил в Москве, но это не мешало влюбленным встречаться. Отношения их были похожи на голливудский фильм: обеды и ужины в лучших ресторанах, посещение громких премьер и концертов; путешествия в Австралию, Бразилию и Японию, отпуск на Мальдивах, выходные в Вене или Париже. Агата даже согласилась принять от Виталия в подарок рубиновое кольцо и серьги с бриллиантами (обычно не допускала этого, считала дурным тоном, говорила, что все необходимое может купить себе сама).

Перед католическим Рождеством Виталий сделал любимой предложение, и они должны были вместе лететь в Италию встречать Новый год. Так что можно представить, каким шоком для нас с Юрой стало появление Агаты на пороге нашей скромной квартиры.

На подруге было серебристо-белое вечернее платье, туфли на шпильке и шуба. Косметика размазалась, прическа растрепалась.

– С праздником, – не совсем внятно сказала Агата, не делая попытки войти, привалившись к дверному косяку. – Не прогоните?

Я втащила подругу внутрь.

– Ты откуда взялась? Что случилось? А Виталий где? Он с тобой?

Она картинно огляделась.

– Виталий! Ау, милый, ты где? – Агата развела руки в стороны, и вот тут я и заметила, что она вправду много выпила. – А нету никакого Виталия, представляешь? И не будет.

Дальше произошло событие совсем уж из ряда вон: Агата прижала ладони к лицу и заплакала.

– Так, девчонки, давайте-ка успокоимся, – решительно проговорил Юра, заметив мою растерянность.

Он ловко помог Агате освободиться от шубы и принес стакан воды. После она с моей помощью сняла туфли, переобулась в тапочки и умылась, а ближе к двенадцати мы уселись за стол: надо проводить старый год и поприветствовать новый. Ксюша устала уже нас звать, а ведь для ребенка это самый долгожданный, самый волшебный праздник в году.

Агата сумела взять себя в руки – характер у нее боевой и стойкий. Мы прослушали бой курантов, выпили шампанского (даже я пригубила). Ксюша заставила нас написать желания на

бумажках, сжечь их, смешать пепел с шипучкой и выпить. Она хлопала в ладоши и смеялась, мы тоже делали вид, что нам очень весело.

Позже, когда ребенок стал клевать носом, Юра уложил дочку спать, и мы снова вернулись к столу.

– Что ж, ребятки, бросил меня Виталик, – сказала Агата, прикусив губу. Я испугалась, что она снова заплачет, но этого не случилось, подруга держалась, как стойкий оловянный солдатик. – Ни Италии, ни свадьбы. Ничего у нас с ним никогда не будет.

Мы с Юрой переглянулись.

– Как же так? Расскажешь, почему? – спросил он, а я поспешно прибавила:

– Если тебе трудно, не говори. Просто посидим, на балкон можем выйти, воздухом подышать и...

– Расскажу, конечно, – прервала меня она. – Вы мои единственные близкие люди. Родственники, можно сказать. – Агата грустно улыбнулась. – Какие у меня от вас могут быть секреты?

Когда она закончила свой короткий рассказ, у меня в голове пульсировали две мысли. Первая – какая же скотина этот Виталик. Вторая – как я могла позволить себе хотя бы на минуту подумать об аборте (а я ведь подумала в первый момент, до того, как мы с Юрой стали обсуждать возможности по переезду в новое жилье). Я-то могу забеременеть и родить, еще и размышляю, стоит ли, а есть женщины, которым этого не дано.

Мы с Юрой знали главную боль Агаты. Она не могла иметь детей. Проблема была настолько серьезной, что ее невозможно было решить ни в одной клинике, за все деньги мира. Агата мечтала о детях, обожала Ксюшу, всегда охотно возилась с ней и оставалась понянчиться, если мы просили, но самой ей было отказано в счастье стать матерью. Диагноз был поставлен еще в юности, а после подтвержден в ведущих клиниках, куда обращалась Агата.

Виталию она сказала о своей беде, не стала скрывать, не такой человек. Боялась, как он отреагирует, но тот воспринял известие спокойно. Сказал, что любит, а ребенка можно будет усыновить, удочерить.

Но сегодня сообщил, что еще раз все обдумал и понял: брак без детей невозможен. При чем нужен ему не приемный ребенок, которого он, скорее всего, не сумеет полюбить, а родной.

– Я, говорит, считаю, что мы должны быть честны перед собой и друг другом. Все равно я начну винить тебя, так зачем доводить до такого? Не лучше ли расстаться сейчас, когда мы еще не связали себя узами брака?

– Вот просто так взял и сказал? – Я не могла поверить. Такая была любовь!

– Не просто так, – спокойно произнесла Агата. – По телефону. Он должен был прилететь сегодня утром. Решил не прилетать.

Это было совсем уж за гранью, мы с Юрой потеряли дар речи.

– Я сказала, что так и правда лучше, поблагодарила за честность и надралась как сапожник. Целую бутылку коньяка выпила в одно лицо, мне казалось, не берет. Не хотела к вам ехать, настроение портить, а потом как-то само собой вышло... Бац – и я уже тут как тут. Простите.

– Прекрати извиняться! – возмутился Юра. – Надо было сразу к нам ехать.

– Виталий тебя не заслуживает, – подхватила я. – Такой мудака с возу – кобыле легче!

– Это я, что ли, кобыла? – усмехнулась Агата.

Я тоже фыркнула от смеха – вечно умудряюсь ляпнуть, и минуту спустя мы все хохотали, не могли остановиться. Видимо, пережитое напряжение сказалось. А когда отсмеялись, Агата произнесла слова, которые стали судьбоносными.

Глава вторая

Говорила Агата не о нас, а о себе. Сказала, что ей так и не удалось сменить фамилию.

– Навсегда, видно, останусь Летовой.

Тут надо оговориться, что фамилия Агаты, если так можно выразиться, выдуманная. Возраст тоже приблизительный, а днем рождения считается день, когда ее нашли сидящей на лавочке на игровой площадке детского сада.

Кто привел туда девочку, пришла ли она сама, было не ясно и так никогда и не выяснилось. Агата сказать ничего не могла, она вообще не говорила почти до семи лет. Возможно, пережила травмирующее событие, но что именно произошло, неизвестно; память заблокировала все, что с нею случилось.

Словом, Агата, как она сама говорит, человек ниоткуда, без корней и без прошлого. Не узнать, кем были ее родители. Летова она потому, что нашли ее летом, а Агата – поскольку директор детского дома, куда оформили сироту, обожала писательницу Агату Кристи.

Фраза про смену фамилии прозвучала грустно, но утешить подругу я не успела, потому что она внезапно сказала:

– Кстати, про фамилии, корни и все такое. У меня клиент был, я ему кучу денег помогла сохранить. Он историк, директор компании, которая занимается восстановлением семейной истории, составляет для желающих генеалогическое древо. Прямо-таки детективная деятельность: копаются в архивах аж до семнадцатого века, выясняют для клиента, кем были его предки.

– То есть за ваши денежки откопают в вашем роду «графьев», сделают из кучера дворянина? – Юра скептически хмыкнул.

– Денежки немалые: цена исследования может доходить до полумиллиона рублей. Но ты не прав, ничего рисовать тебе не станут, у них каждый факт строго подтверждается документами. Этот дядька мне говорил, что, имея на руках отчеты их компании, человек может доказать свои права на наследство или гражданство, так что все серьезно.

– Удивительное дело.

– Он предложил мне нарисовать такое дерево бесплатно. – Агата сделала глоток сока и подцепила вилкой маслину. – Смешно, конечно. Со мной у них точно ничего не вышло бы, как ни бейся: нужно предоставить данные родителей, а у меня с этим, сами понимаете, все не как у людей.

– Да и бог с ними, с предками. Ты сама по себе уникам. Инопланетянка, – сказала я.

Агата улыбнулась мне и погладила по руке, а потом я увидела, что глаза у нее становятся еще больше, а брови ползут вверх. Это всегда знак того, что в голову подруге пришла идея.

– Слушайте, ребята, а давайте я его запрягу, пусть ваших предков найдет! Вы знаете хоть кого-то дальше бабушки-дедушки? А мало ли *кто* окажется в глубине веков! – Агата говорила азартно, и я порадовалась, что она чем-то увлеклась, хоть на время позабыла о предательстве Виталия. – Это жутко интересно, а может, еще и важно!

Меня такие вещи не занимали. Я знала, что папины предки – выходцы из деревни под Казанью; и деревня та до сих пор жива, там чуть не половина жителей – Плотниковы (это моя девичья фамилия). А мама – из казанских татар, обрусевших, толком не знающих татарского языка (как и я сама). Дед был школьным учителем, прадед – муллой, прапрадед – тоже. Без неожиданностей.

Но Юра проникся. Он всегда был романтиком. А это же так интересно – обнаружить в своем роду великого ученого, поэта, художника или другую выдающуюся личность.

– Слушай, давай! – оживился он. – А долго это?

– Вроде до полугода обычно, но для меня, я уверена, будет сделано исключение, – улыбнулась Агата. – Учитывая, сколько бабла я ему спасла.

Поговорив об этом еще немного, мы сменили тему, перешли на что-то другое, и я позабыла про детективные поиски родственников в тумане ушедших эпох. Думала, и Агата про это не вспомнит, учитывая, что она была пьяна. Кстати, пьет Агата мало и редко, почти не прикасается к алкоголю, считает, что это разрушает организм, в первую очередь, мозг.

Однако Агата, как выяснилось, ничего не забыла. И в середине февраля ошарашила нас новостью.

– Ребята, танцуйте! Юрка, ты у нас аристократ, голубая кровь, а Лора – жена аристократа!

– Чего? Как это?

Агата заехала к нам вечером, по телефону ничего объяснять не стала, сказала, что хочет посмотреть на наши лица, когда объявит новость. Мы в тот момент подумали, что она с Виталием помирилась (осознал, гад, какое сокровище потерял), но ошиблись.

Историк, владелец фирмы и клиент Агаты, проделал по ее поручению исследование, составил фамильное древо Юры. Выяснилось поистине удивительное.

– Кто там про «графьев» в новогоднюю ночь острил? Ты – самый натуральный граф и есть! Не просто какой-то там неизвестный Балкунов, а производишь из древнего дворянского рода Балкуновых!

Агата водрузила на стол пухлую папку, внутри которой были документы.

– Пап, а я тоже граф? – спросила Ксюша.

– Ты графиня, мое солнышко! – Агата расцеловала Ксюшу и вытащила из сумки огромную шоколадку с орехами и самую большую упаковку любимого Ксюшиного клубничного коктейля.

– Ура! – завопила дочь. – Мам, я тогда не хочу картошку с котлетой.

Агата виновато посмотрела на меня.

– Я балда. Пусть бы сначала поела, да? Не подумала, что вы еще не ужинали.

– Ладно, сегодня без котлет, раз уж такое дело, – великодушно разрешила я, и новоявленная «графиня» унеслась.

Юра растерянно перебирал бумаги, доставая их из папки.

– А другие родственники? Есть они у меня?

– Вот тут интересно. – Агата придвинула папку к себе, выхватила из кипы один лист и, глядя на него, стала рассказывать. – Значит, так. Наш исследователь добрался примерно до середины семнадцатого века. В то время Балкуновых было трое: два брата и сестра. Сестра вышла замуж и умерла в родах, младенец женского пола родился мертвым, так что эта ветвь полностью зачахла еще несколько столетий назад. Один из братьев, Павел, совершил мезальянс, женившись на простолюдинке по имени Елизавета. Про эту ветвь расскажу чуть позже. Юра – прямой потомок второго брата, Петра. Линия прослеживается четко, смотрите.

Мы с Юрой склонились над листом. Имена, фамилии, даты... Поначалу ответвлений было довольно много, но кого-то унесла смерть в младенчестве, кто-то не оставил потомства, и к двадцатому веку линия осталась только одна: прадед Юры, его дед, покойный отец и он сам.

– Интересно, папа знал о своем дворянском происхождении? Теперь ведь не спросишь. Мне, во всяком случае, он ничего не говорил.

– После революции многие скрывали, – сказала я, – из соображений безопасности. Может, ему и не рассказали.

– В общем, Юра – единственный выживший, уцелевший потомок, – подвела итог Агата. – Идем дальше.

– Куда уж дальше, – пробормотала я.

– Ты удивишься, Лорик, но есть куда. Как говорила небезызвестная Алиса, «Все страньше и страньше! Все чудесатее и чудесатее! Все любопытственнее и любопытственнее!» Возвращаемся назад в прошлое.

– Остается еще один брат, Павел.

– Именно. Он был успешен, занимал должности на государственной службе, преумножал богатство, и таким же образом поступали и его потомки. К тому моменту, как в России произошла революция семнадцатого года, Балкуновы процветали. У них имелось огромное имение под Быстрорецком, роскошный дом в Быстрорецке и еще один дом, поменьше, здесь же. Но с приходом большевиков к власти все это было утеряно. Главу семьи расстреляли, имение под Быстрорецком сожгли, вся земля перешла советскому народу – был основан колхоз «Ильич». Особняк в Быстрорецке тоже разрушили и снесли. Между прочим, теперь на этом месте стоит кукольный театр.

Мы с мужем дружно ахнули: ничего себе! А Агата продолжала.

– Как именно погибла жена Балкунова, не вполне ясно, наверное, ее расстреляли вместе с мужем, а вот их дочь, тоже названная Елизаветой, как ее дальняя родственница, чудом сумела выехать из пылающей в огне революции страны и выплыла в Париже. Драгоценности она спасти не сумела, денег у нее не было, из всех богатств оставалось лишь имя и благородное происхождение. Впрочем, она не потерялась в чужой стране, не сгинула, воспитывалась у кого-то из друзей ее покойных родителей, получила образование и впоследствии удачно вышла замуж. Муж ее, Кристоф Габен, был обеспеченным и влиятельным человеком, не миллионером, конечно, но Елизавета прожила с ним рядом спокойную и безбедную жизнь. Правда, детей у них с мужем не было, и это, как вы сейчас увидите, важно, потому подчеркну данный факт особо. После смерти Кристофа вдова жила затворницей. А на старости лет Балкунова-Габен, судя по всему, испытывавшая ностальгию по оставленной Родине, выкинула фокус. Когда в России началась перестройка, от коммунистической идеологии официально отказались, перестали строить светлое коммунистическое будущее, Елизавета Балкунова-Габен вернулась.

– Серьезно? Но зачем? – поразились я.

Агата пожала плечами.

– Это у нее надо спросить, в документах мотивы не указаны. В любом случае то был опрометчивый поступок, который не привел ни к чему хорошему.

– Что случилось со старушкой? Сколько, кстати, ей было? Лет сто?

– Девяносто два. Но держалась она бодрячком. Прилетела в Россию и стала пытаться вернуть утраченную в годы революции семейную собственность. Наверное, хотела прожить последние годы в Быстрорецке и быть погребенной на родной земле.

– А что такое «быть погребенной»? – спросила Ксюша, которая, как выяснилось, тихонько подошла к дверям и слушала. – Я тоже так буду?

– Ксюша! – возмутилась я, а Юра, который считает, что с детьми нужно быть честными, ответил:

– Все мы будем, но не скоро. «Погребенный» – значит «похороненный». Человек умирает, его хоронят. А подслушивать нехорошо.

– Я не подслушивала, – надулась Ксюша, – я попить хотела. Водички.

Получив воду, дочь ушла, а мы услышали финальную часть рассказа.

– Как я говорила, Балкуновы владели еще одним домом, поменьше. Он уцелел. Я навела справки, в разные годы там был детский сад, методический центр, ЖЭК. Графиня, вернувшись из изгнания, сумела вернуть дом себе (представляю, во сколько ей это обошлось), оформила все бумаги и начала ремонт, но потом произошла темная история. По всей видимости, наивная старушка то ли по ремонтным делам, то ли еще по какой надобности доверилась некому злоумышленнику, который облапошил и погубил ее. Я не узнавала, понятия не имею, что и как, но вот итог, который мы видим в документах. В милицию поступил сигнал, что в доме не то

организован наркопритон, не то детьми или оружием торгуют, не то бордель держат, не то все сразу. В результате рейда были убиты два человека – милиционер и известный тогда в городе авторитет. Кроме того, в доме был найден ребенок, а сама Балкунова-Габен обнаружена мертвой. Умерла во вновь обретенном доме. Причина смерти – острая сердечная недостаточность.

– Печально, – сказал Юра, – не надо было возвращаться, жила бы себе в своей Франции и горя не знала.

Агата посмотрела на Юру. Мне показалось, в ее глазах промелькнуло что-то похожее на досаду.

– Тогда не было бы самого главного. Слушайте дальше. Покойная Балкунова-Габен не оставила завещания, по закону ее имущество переходит к ближайшим родственникам. Судя по этим бумагам, – Агата постучала длинным ногтем с вишневым лаком по пачке документов, – единственный ее ныне живущий родственник – это ты, Юрий Сергеевич.

В кухне стало тихо. Я не знала, как реагировать. Юра, кажется, тоже.

– Не знаю пока, чем в точности владела твоя пра-пра, но одно несомненно: с помощью собранных документов мы легко сумеем доказать, что ты имеешь право все унаследовать. Предоставь это мне. – Агата весело посмотрела сначала на Юру, потом на меня. – Что при- тихли, благородные господа? Как вам новости?

Глава третья

Вот и пришла пора вернуться в двадцать шестое марта, в день, когда Юра сообщил мне радостную новость: его признали наследником умершей десятилетия назад Елизаветы Балкуновой-Габен.

- Так ты рада? Почему такое лицо? – Юра обнял меня за плечи.
- Рада, конечно, – ответила я. – Чем тебе мое лицо не нравится?
- Или, может, тебе плохо? Как ты себя чувствуешь?

Юра переполошился, стал усаживать меня на диван, и в этом беспокойстве было что-то чуточку ненатуральное. Нет, он любит меня, Ксюшу и будущего ребенка – в этом у меня нет никаких сомнений. Но в течение последних примерно полутора месяцев Юра с головой ушел в эту, как мне казалось, авантюру с доказательством своего родства с покойной графиней.

На протяжении этого времени они с Агатой писали и подавали бесконечные заявления, обивали начальственные пороги, даже в судебных заседаниях участвовали. Агата представляла интересы Юры, и, конечно же, наотрез отказалась брать за свою помощь деньги.

Благодаря опыту и связям Агаты и самого Юры (он все-таки в мэрии работает, начальником одного из отделов), дело продвигалось ускоренными темпами.

Наследство было не сказать чтобы колоссальное. Точнее, ничего не было, кроме старого дома со всем, что внутри, и земли, на которой он стоял. Свою зарубежную собственность ностальгически настроенная графиня продала перед возвращением в Россию. Денег у нее при себе, видимо, было немало. Вещи, драгоценности тоже, наверное, имелись. Но большая часть средств ушла на покупку дома и восстановление прав. Да и мошенники, с которыми по неопытности связалась привыкшая к спокойной жизни во Франции Балкунова-Габен, обобрали ее как липку. У нее не имелось счетов, соответственно, и денег на них, не было и бриллиантов в банковских ячейках и сейфах.

– Денежки, видать, перекочевали в карманы предприимчивых граждан, которые «помогали» бабушке с ремонтом и оформлением документов, а на деле крутили темные делишки, – рассказывала мне Агата.

– Мы, может, в доме тайник найдем, – усмехался Юра, а Ксюша визжала от восторга: она будет искать клад!

Беготня, суeta с наследством задевала меня только по касательной. Я с двенадцатого марта лежала на сохранении. Ничего особенно серьезного, за границей, говорят, повышенный тонус матки вообще не считается отклонением от нормы, но мы с Юрой рассудили, что, во-первых, береженого бог бережет, а во-вторых, лучше в больнице под присмотром врачей, чем в пыльной конторе за компьютером пыхтеть.

Тут, наверное, нужно сказать, что я работаю бухгалтером на одном торговом предприятии. Движение товаров, оплата счетов, складские остатки и прочие увлекательные вещи. Я, в отличие от Агаты и Юры, человек с заурядной судьбой и профессией.

Пока я лежала в больнице, за Ксюшей помогали присматривать мама Юры и Агата. Юра отвозил дочку в школу, а они забирали ее оттуда. Хорошо еще, что художественная студия, куда ходила Ксюша, располагалась в здании школы, а после уроков была группа продленного дня.

Ксюше больше нравилось, когда с ней возилась Агата. Удивительно (и очень горько), что человек, не имеющий детей (и возможности родить), настолько хорошо умеет обращаться с ними, так их понимает.

Бабушка же, с вечным требованием звать ее Татьяной Петровной, а не бабулей, запретами есть сладкое и чипсы, а то будут в подростковом возрасте прыщи и лишний вес, с ее строгостью и подавлением любых попыток проявить инициативу, Ксюшу раздражала.

Вчера меня выписали, сегодня Юра сообщил новость, а завтра...

– Агата говорит, формальности еще нужно будет улаживать, некоторые документы – не столь важно, какие, зачем тебе голову забивать! – могут быть готовы через несколько месяцев, но это не имеет значения. Главное, мы можем переехать в любое время, хотя завтра!

Вот тут я растерялась. Я знала, конечно, что Юре достался дом, понимала и то, что мы можем туда переехать. Но считала, что это будет уже после рождения малыша. А Юра, как выяснилось, собирается поселиться там так скоро.

– Подожди, но я даже толком его не видела...

Разумеется, как только стало ясно, что Юра – потомок Балкуновой-Габен, мы съездили к дому, но и ворота, и сам дом были на замке, так что полюбоваться получилось только с внешней стороны.

– Увидишь, – откликнулся Юра. – Мы с Агатой туда на днях заглянули. Просто восторг! Поедем теперь все вместе, тебе понравится.

– Юра! – Я встала с дивана и прошла по комнате. – Как-то все это слишком быстро, не могу в себя прийти.

– Это тебе «быстро», а у меня уже со всеми этими хлопотами такое чувство, что всю жизнь только наследством и занимаюсь.

– А если нам не захочется жить в том доме? Отсюда и в школу Ксюшке два шага, и «художка», и моя работа...

Муж не дал мне договорить.

– Со школой и студией вопрос решим, два месяца осталось, можно и повозить, а с сентября переведем. Тут-то у нас что – окраина! А там – центр города, одна из лучших в городе седьмая гимназия под боком, я уже переговорил с кем надо, нас возьмут. С рисованием тоже все нормально, при гимназии есть художественная школа! Представляешь, как повезло?

– И ты тоже договорился, нас возьмут? – Это прозвучало немного едко.

Я была неправа. Надо радоваться, что Юра взял на себя все заботы, нашел отличные решения. Обо всем подумал, побеспокоился. Только у меня остался осадок: что же он со мной не посоветовался? Как будто мое мнение не имеет значения. Раньше у нас такого не было, все решения мы принимали вдвоем.

А Юра, не заметив моей грустной иронии, неся дальше.

– Что касается твоей работы, то перед декретным отпуском ты имеешь право взять очередной, и там еще майские праздники приплюсуются. Значит, остается всего один месяц, даже неполный. На это время, я думаю, мы тебе запросто снова больничный организуем. Не придется работать.

– Но я не хочу опять лежать в больнице, – возмутилась я.

– Не будешь, – успокоил муж, – кажется, можно оформить как дневной стационар. Сходила, полежала под капельницей – вернулась. Я все сделаю, как надо, не переживай.

Видимо, он в конце концов заметил мое кислое лицо и сразу все понял. Подошел, обхватил руками, поцеловал.

– Ты злишься, потому что думаешь, я давя на тебя, да? «На том простом основании, что я мужчина», как этот Гога, он же Жора. Извини, если это так выглядит. Я хотел снять с тебя эти мелкие заботы. Я же теперь не просто муж и отец, я дважды отец. Хочу сделать все... – Он замаялся. – Правильно. Тебе и без того тяжело: беременность, роды предстоят, могу же я в быту все устроить так, чтобы тебе было полегче? Это разве плохо?

Разумеется, это было не просто хорошо, а очень хорошо.

– Юрка, ты прав. – Я поцеловала его и улыбнулась. – Зря я накуксилась. Умница ты мой, лучший муж на свете. И для Ксюши все идеально, и для меня. Мне и самой не хочется в офис мотаться.

Забегая вперед, скажу, что походить на работу мне все-таки пришлось: начальница слезно просила завершить дела и обучить девочку, которую взяли на мое место. К тому же почти до майских праздников, пока шел ремонт в новом (старом) доме, нам пришлось жить в квартире. Сразу перебраться в дом не получилось: он не был пригоден к тому, чтобы в нем жить, требовался ремонт.

Посмотреть на хоромы мы отправились сразу после разговора с Юрой: забрали дочку из школы и поехали, как выразился муж, обозревать владения.

Дом, который я еще не привыкла называть нашим, хотя Юре и Ксюше это уже удавалось без труда, находился, как уже и говорилось, в центральной части Быстрорецка.

Я люблю эти места: здесь словно попадаешь в прошлое, в книги классиков девятнадцатого века. Дома не выше двух этажей, аккуратные и симпатичные, чем-то напоминающие шкапульки с секретом. Строили их не под копірку, у каждого здания – свое лицо и собственный характер; многие, правда, сильно осовременены, отреставрированы.

Располагаются там в основном офисы небольших компаний, аптеки и магазины. Вот, например, «Центр йоги», а рядом – антикварный салон «Муза» и почтовое отделение.

По соседству есть маленький безымянный сквер и огромный парк, который горожане называют садом Влюбленных, потому что в центре бьет фонтан Влюбленных. В этом же районе расположены выставочный зал, драматический театр, несколько старинных церквей, Дом актера, музеи и студии – музыкальные и художественные, а еще – художественное же училище, одно из лучших в стране.

Улица, на которой стоял дом Балкуновой-Габен, была извилистая и довольно узкая, с однополосным движением. Она носила имя самого знаменитого русского баснописца Крылова и с одной стороны вливалась, как ручей, в длинную и широкую улицу Горького, а другим концом упиралась в небольшой овражек. На другой стороне овражка стояли большие современные здания: торговые центры, офис крупного предприятия, деловой центр «Вега». Там все кипело и бурлило, а здесь, на улице Крылова, время текло неспешно.

Унаследованный Юрой дом и прилегающая к нему территория были опоясаны металлическим забором примерно полутораметровой высоты. Прутья не просто торчали рядами, но переплетались причудливо, образуя цветы и листья. Наверное, это было старинное литье, давно потускневшее от времени, черная краска облупилась и облезла.

– Большие ворота для машинок, а калитка для нас, – прокомментировала Ксюша, пока Юра возился с замком.

– Точно, – рассеянно сказала я.

Мое внимание было занято домом. Был он довольно простой, в отличие от забора, без изысков, но добротный, прочный на вид. Крыша из металлочерепицы, дорожка до входной двери и козырек над нею явно были результатами проведенного Елизаветой ремонта. Когда-то белые стены посерели, как мякоть гриба, окна давно никто не мыл, и они глядели на мир подслеповато.

Перед домом был палисадник, где росли кусты сирени. Аромат в сезон цветения, наверное, потрясающий, подумалось мне. За домом, как сказал Юра, есть небольшой дворик, туда можно напрямую попасть через вторую дверь, из кухни. Сад разбить негде, но это как раз не страшно, мы не садоводы-огородники.

– Балконов нет, – сказала я. – Мне нравятся балконы и всякие террасы и веранды.

– Зато увидишь сейчас, какая шикарная лестница, – сказал Юра, который уже отпирал дверь дома. – А беседку мы можем построить в саду, Лорик. Так что нет балконов – и бог с ними! – Он приглашающе распахнул дверь. – Добро пожаловать, мои дорогие! Вот оно, наше родовое гнездо!

Пошутить хотел вроде бы, но я знала: Юра, хотя старается не показывать этого, гордится своим чудесным образом обнаружившимся происхождением, высокородными предками, тем, что у его семьи, оказывается, есть история.

Внезапно я почувствовала себя простолюдинкой, девицей без роду и племени, но отогнала эти мысли: что за предрассудки! Какое значение такие вещи могут иметь в современном мире смартфонов, компьютеров, нейросети и полетов в космос?

Ксюша уже забежала в дом вслед за отцом, и я, чуть замешкавшись, тоже переступила порог. Пора было знакомиться с местом, где нам всем предстояло жить.

Глава четвертая

Позже, когда возвращалась мыслями к тому дню, пыталась анализировать свое первое впечатление от встречи с домом, мне порой казалось, что я сразу поняла: тут что-то не так. Недоброе место, даже зловещее, не стоит нам здесь жить. Стоял дом запертым долгие годы – пусть стоит и дальше.

Но в действительности это неправда. Ничего такого я не ощутила, разве что прикинула объем работ по ремонту и очистке помещения и ужаснулась.

В доме пахло пылью, старым деревом, еще чем-то непередаваемо древним, сухим. Сырости не было, а значит, не стоило бояться и плесени, что радовало. Юра говорил, что водопровод и канализацию Балкунова-Габен распорядилась починить в первую очередь, и сейчас трубы и сливы должны находиться в приличном состоянии.

Было прохладно и очень тихо, как будто толстые стены не давали проникнуть внутрь никаким городским звукам. Впрочем, почему «как будто»? Вправду не давали. Как и массивная, непрístupная на вид дверь с несколькими замками – ни один грабитель не взломает.

Воздух был застывшим, затхлым. Ничего удивительного, когда тут проветривали в последний раз? Всюду пыль, серые разводы на рамах, грязь на полу.

– Уборка займет неделю, – уныло сказала я.

– Ты же не думаешь, что сама будешь все отмывать? В твоём положении? – спокойно заметил Юра. – Главное – это решить, что и как мы хотим сделать, а сделают другие люди.

– Разве у нас есть деньги нанять кого-то? – удивилась я. – Ты же говорил, что в наследство достался только дом!

– Мы найдем клад, мамуль, – успокоила меня Ксюша. – В кладе будет миллион денег. Или миллиард.

– Конечно, котенок. Ты погуляй немножко сама, – сказала я, глядя на мужа, который, кажется, был немного смущен.

– Да, дочь, только аккуратнее, на второй этаж пока не ходи, вместе пойдем.

Ксюша направилась в комнату, что была справа от входа.

– Ты что-то хочешь мне сказать? – спросила я Юру.

– У нас есть немного денег на ипотеку, так? А ипотека уже не будет нужна. Дом принадлежит нам. Так что мы можем их потратить.

Я ждала. Не так много мы накопили, чтобы это обсуждать, и без того ясно, что логично потратить накопленные средства на ремонт.

– Думаю, нам нужно продать квартиру. Погоди, погоди! – Муж вскинул руки, видя, что я хочу возразить. – Знаю, мы хотели сдавать ее, а сами попробовать пожить тут. Но это отличный дом! Зачем нам «пробовать»? Надо все устроить по вкусу и перебраться окончательно! Центр города, превосходное место. Дом просто восторг: просторные комнаты на первом этаже, четыре спальни на втором, кладовка и подвал. Все крепкое, в отличном состоянии.

– Ты еще однажды сказал, что можно и продать – земля в центре дорогая, покупатель быстро найдется. Теперь даже подумать об этом не хочешь?

– Да, поначалу думалось, что можно продать, а на эти деньги купить современную квартиру и еще останется немало. Но, знаешь, Агата говорит, продать всегда успеем, недвижимость в центре только дорожает. Зачем торопиться? Я хочу пожить тут, а уж если нам по какой-то причине не понравится, то продадим дом. Однако, чтобы нормально обустроиться, нужно вложиться. Не кредит же брать, когда можно продать «однушку»!

И снова в словах мужа был резон, был смысл.

И снова меня задело, что мое согласие нужно чисто формально. Юра уже все решил.

Только что я могу возразить? Какой приведу аргумент против продажи квартиры?

– Хорошо, давай подумаем об этом, – сказала я.

– Вот и отлично. А теперь будем осматриваться.

Осматривались долго, пока уставшая, проголодавшаяся Ксюша не начала капризничать.

На первом этаже располагался просторный холл, прямо перед входом была лестница на второй этаж.

Справа находилась кухня-столовая, огромное помещение, по площади равное всей нашей квартире. Здесь оказалось пусто, никакой мебели.

«И хорошо, – подумала я, – есть возможность устроить все по собственному вкусу».

Из кухни можно было попасть в задний дворик. Сейчас стеклянная дверь была грязной, стекло в разводах, дворик – неухоженный, запущенный, но я представила, как великолепно все будет выглядеть, когда стекло засверкает на солнце, во двореке появятся клумбы, стол, плетеные стулья...

Настроение заметно улучшилось. Юра чмокнул меня в щеку и повел в другие помещения, слева от входа. Тут были две смежные комнаты, в дальнюю можно попасть, пройдя через ближайшую.

В первой вернувшись из Франции графиня устроила гостиную. Я смотрела на старомодную мебель с тусклой обивкой, громоздкий стол, диваны-мастодонты, большие окна, бархатные шторы. Во второй, верно, планировалась библиотека. Сейчас шкафы и полки от пола до потолка были пустыми, а еще имелись пианино и зеркало в старинной раме, отражающее человека в полный рост.

– Ух ты! – Ксюша была от него в восторге, вертелась и строила рожицы. – Я дома в нашем зеркале себя всю никогда не видела!

– А теперь видишь, какая ты красавица? – Юра затормошил Ксюшу, защекотал, и она расхохоталась.

Паркетный пол в обеих комнатах был застелен ковром, при одном взгляде на который хотелось чихать.

– Ковры надо выбросить, – сказала я. – Там клещи, грязь и всякая зараза.

Юра безропотно согласился. Участь ковров была решена.

– А теперь – на второй этаж, будем занимать комнаты!

– Я первая! – завопила Ксюша.

Шикарная лестница с ажурными перилами упиралась в коридор, опять-таки застеленный ковровой дорожкой, место которой тоже было на свалке. Обои пожелтели и местами отвалились, кое-где глаз «радовали» надписи маркерами и граффити в стиле «Здесь был Вася». Все же, по-видимому, сюда порой попадали вандалы и прочие темные личности. В коридор выходили четыре двери.

– Наша с тобой спальня, комната Ксюши, детская для будущего малыша, одна комната даже лишняя, – сказал Юра.

– Кабинет можно было бы устроить, если бы кому-то из нас он был нужен, – заметила я, – жаль, мы не писатели или музыканты.

– Придется заняться творчеством. А пока пусть гостевая будет, все согласны?

– Тетя Агата там может спать или бабуля, – резонно заметила Ксюша.

Она выбрала дальнюю комнату с левой стороны, мы с Юрой решили, что наша спальня будет в ближайшей к лестнице комнате справа: окно выходило в палисадник, я представляла, как буду любоваться цветущей сиренью. К тому же эта комната была побольше остальных.

– Можем сделать ремонт в коридоре, столовой, холле и этих двух комнатах на втором этаже, а все остальное будем доделывать постепенно. Жить тут и ремонтировать. Как тебе такой план?

Юра обнимал меня за плечи, Ксюша вертелась возле нас, и жизнь была прекрасна.

– Отличный план, – благодушно ответила я.

Мы ходили по комнатам, думая, как и что покрасить, где поставить кровать или шкаф, пока Ксюша не позвала нас из коридора.

– Мам, пап! Я нашла клад!

– Надо же, как быстро, – в один голос сказали мы, переглянувшись и засмеялись этой синхронности.

Мы с Юрой часто думали, делали и говорили что-то в унисон.

Ксюша стояла у стены, которой заканчивался коридор. Поначалу нам всем показалось, что стена глухая, но в одном месте обои отвалились, и Ксюша, оторвав от них изрядную полосу, обнаружила дверь.

– Что там, пап? – Дочка подпрыгивала от нетерпения. – Давайте откроем!

Открыть мы не могли, ключа не было. Но Юра сходил и принес не то лом, не то гвоздодер, и внутрь мы все же попали.

Только за дверью оказалась не комната. И сокровищ, к великому огорчению Ксюши, не было. Зато была лестница. Узкая, по спирали уходящая вниз. Юра спустился, Ксюша увязалась за ним, я осталась стоять наверху.

– Что там?

– Ничего. Она упирается в стену. Дверной проем заложили кирпичами, – отозвался муж. – Думаю, это была лестница для прислуги.

– У нас будет прислуга? – с восторгом спросила Ксюша.

Мы с Юрой засмеялись.

– Нет, котенок. Придется справляться самим. Так вот, лестница эта вела, судя по всему, во внутренний двор.

– Зачем было закладывать ее? Прятать?

Мне это почему-то не понравилось, а почему, я сама не знала. Мысль о том, что в сердце дома есть никуда не ведущая лестница, показалась зловещей.

Юра и Ксюша уже поднимались.

– Почему сразу прятать? Наверное, в более поздние времена, после революции, лишний выход был не нужен, вот лестницу и закрыли. Сделали выход во дворик из столовой, так даже удобнее.

– Наверное, ты прав.

– А как же!

Мы спустились на первый этаж.

Близ лестницы находилась кладовая. За прочной дверью, которую Юра еле смог открыть (хорошо, что ключ имелся, эту дверь без него открыть не получилось бы), нас ждало уходящее чуть вглубь помещение, доверху заваленное бардаком: доски, ведра, куски железа и еще много чего. Оглядев этот склад, Юра поспешно захлопнул дверь и сказал, что позже со всем разберется, вывезет хлам.

– Здесь будет храниться верхняя одежда и обувь.

– Нужно очень много одежды и обуви, чтобы заполнить все помещение, – засмеялась я, и муж сказал, что намек понял.

Рядом с дверью кладовой была еще одна дверца, которой я поначалу и не заметила, – низкая, зато с громадным замком. Оказалось, она вела в подвал.

– Я открывал в прошлый раз, когда мы были тут с Агатой, – сказал Юра. – Смотрел вполглаза, но успел заметить, что ступени очень крутые, надо держать дверь запертой, а то как бы Ксюша или малыш не свалились.

Перед моим внутренним взором мелькнула картина спотыкающейся и летящей в темноту Ксюши, и я содрогнулась.

– Ты прав. Запереть и убрать ключ подальше. А внизу что?

Юра пожал плечами.

– Я не спускался. Говорю же, мы обошли комнаты за десять минут и все.

У меня зазвонил телефон. Агата.

– Привет, Лорик, – сказала она. – Как тебе дом? Скажи, круто! Входишь в роль столбовой дворянки?

– Пытаюсь. Слишком много комнат, не представляю, как найти им применение.

– Ты типичное дитя малогабаритного строительства, – фыркнула Агата, – были бы комнаты, а что там разместить, придумаю. – Она помолчала немного и прибавила: – Я так за вас рада, ребята. Вы заслужили этот дом, это наследство. Хорошим людям должно везти!

– Это все ты, – сказала я, – одни мы бы не справились. И вообще...

От полноты чувств я не могла найти слов, а Агата, которая не слишком жаловала сентиментальные сцены, громко проговорила:

– Хватит мне дифирамбы петь! Жду приглашения на новоселье. И скажи Ксюшке, пускай тете Агате комнату получше застолбит, чтобы я с ночевкой оставалась!

Последние слова она произнесла громче, чтобы Ксюша слышала, и та засмеялась и закричала, что комната Агаты будет рядом с ее собственной, они смогут вечером есть вместе черничное мороженое, которое тетя Агата, конечно же, принесет.

Когда мы выходили из дома, я думала, что счастливее меня никого на свете нет и быть не может. Прекрасный дом на живописной улице, любимый муж, обожаемая дочь и малыш, который скоро появится на свет.

Я не догадывалась, что пройдет совсем немного времени, и моя жизнь погрузится во мрак.

Глава пятая

Апрель пролетел в делах и заботах. В нашем новом доме я почти не бывала, мы с Ксюшей заглянули раза два. Чувствовала я себя отлично, порой даже и забывала, что беременна: ни токсикоза, ни сонливости, ни отеков, ни тяжести в ногах.

Мы с Юрой по очереди отводили Ксюшу в школу, забирала почти всегда я. Зная, что скоро уйду в декретный отпуск, в офисе я относилась ко всему спокойно, не нервничала и иногда ловила себя на мысли, что мне нравится моя работа (хотя была уверена, что после декретного не вернусь туда ни за что).

Юра с головой ушел в обустройство дома, проводил там каждую свободную минуту. Он нанял бригаду строителей и ежедневно контролировал ход работ, а по вечерам, даже если был очень уставшим, подробно рассказывал, как продвигается ремонт.

– Ты не узнаешь дом! – каждый раз завершал он свой рассказ.

Деньги, которые мы откладывали на ипотеку, давно закончились, и Юра взял в долг у матери и коллеги, пообещав вернуть, когда будет продана наша квартира.

Мы выставили ее на продажу; риелтор, энергичная громкоголосая блондинка с обаятельной улыбкой, обещала, что проблем не будет.

– Однокомнатные – самый ходовой товар, их чаще всего ищут, – говорила она. – К тому же у вас квартира с хорошим ремонтом, заезжай и живи.

Мы решили оставить часть мебели, а ту, что хорошо впишется в интерьеры дома, плюс бытовую технику забрать с собой. Потенциальные покупатели приходили нередко, обещали подумать, но сделки пока не было.

– Это даже хорошо, вам пока все равно некуда переехать, – успокаивала меня Агата.

Вначале я не очень-то хотела расставаться с обжитой квартирой, потом смирилась с этой перспективой, а затем, видя, как много денег уходит на ремонт, как растут наши с Юрой долги, стала стремиться скорее продать недвижимость и рассчитаться.

По вечерам мы с Ксюшей упаковывали в коробки и тюки вещи, которые отправятся с нами в новый дом, выбрасывали то, чему не нашлось места в новой жизни: одежду, которую не носили больше двух лет, обувь, что стала мала; старые цветочные горшки и рваные Ксюшины книжки, сломанные игрушки, компьютерные мыши, открытки и журналы, электронный будильник, который звенел когда угодно, только не в нужное время...

Число коробок и мешков множилось, и иногда мне казалось, что они выживают нас из квартиры. Ксюша каждый день спрашивала, когда она сможет переехать в свою комнату, а я...

Что-то беспокоило меня, хотя я прятала тревогу в бесконечной суете, не давая ей поднять голову. Я полагала, что это естественное волнение: удивительные новости о наследстве Юры, спешно спланированный переезд, беременность и скорое появление на свет ребенка. Когда делилась своими мыслями с Агатой, она всегда говорила именно это.

– Сразу несколько поводов для стресса в одно время, что ты хочешь! Даже самые приятные хлопоты – это же все равно хлопоты.

Однажды, во время разговора с мамой по телефону, я попыталась сказать, что переживаю, но она не восприняла мои слова всерьез.

– Лаура, ты себя накручиваешь! – Мать всегда звала меня только Лаурой или «кызым» – «дочкой». – Вечно ты так. Другие были бы счастливы оказаться на твоём месте, а ты находишь поводы понервничать. Перестань, кызым, это вредно для ребенка.

Мама подробно рассказывала, как дела у нее и отчима, обещала приехать к нам летом, когда родится малыш, чтобы помочь мне. Про мои опасения она уже забыла. Собственно, я и не ждала, что мать проникнется моими проблемами, мы никогда не были особенно близки.

Переезд состоялся в последних числах апреля. Примерно тогда же я перестала ходить на работу и полностью сосредоточилась на семье и домашних делах.

Если честно, как только мы с Ксюшей очутились внутри дома, дурные мысли и невнятные предчувствия вымело у меня из головы. Слыша восторженный визг дочки, видя радостную, немного неуверенную улыбку Юры (боялся, оценим ли мы его старания по преобразению нашего будущего жилища), я сказала себе: «Это идеальный дом. И мы будем тут счастливы».

Никакой пыли, затхлого запаха и грязных полов!

Сверкающие чистотой окна пропускали потоки бесстыжего весеннего солнца. Рамы Юра решил не менять – они были качественные и прочные, изготовленные из какой-то правильной древесины (муж сказал, какой именно, но я забыла), смотрелись солидно и дорого. Их вычистили, смазали замки, починили ручки – куда там современному пластику!

Паркет смотрелся как новый, стены выкрашены, в комнатах поклеены обои, похожие на шелк, а вместо старых облезлых ковров – дорожки и паласы строгих расцветок. Светлая краска подчеркивала высоту потолков, лестница будто парила в воздухе.

Холл был просторным, а детская комната и спальня – уютными и как будто обжитыми: может, потому, что тут нас ждали наши вещи и часть мебели из квартиры.

Особенно потрясла меня кухня. Она была новенькая (гарнитур и стол со стульями мы с Юрой выбирали вместе) и огромная, еще больше, чем мне показалось первоначально. Мечта любой хозяйки, думалось мне. Даже если терпеть не можешь готовить, на такой кухне полюбишь это занятие.

– В левое крыло лучше пока не ходить, – сказал Юра, открывая дверь за дверью, – две комнаты на втором этаже тоже не готовы. Там лишь уборку сделали, получше стало. Как продадим квартиру, начнем их обустраивать.

Юра не произнес этого вслух, но мы оба знали, что деньги – одолженные, отложенные, взятые в счет будущих Юриных отпускных – практически кончились.

Рабочие освободили комнаты от мебели, почти все мы с Юрой заранее решили выбросить, но кое-что оставили: антикварный комод из розового дерева с вставками из бронзы и мраморной столешницей, старинное ореховое трюмо с зеркалом, пианино, большое зеркало, мягкую мебель.

– Диваны и кресла можно перетянуть, обить бархатом – будет здорово, – говорил Юра, и мне тоже в итоге понравилась эта мысль.

Работы во дворе и палисаднике еще не начинали, но это не горит. Подвал оказался пустым, лишь несколько полуразвалившихся столов и стульев, ржавые металлические спинки кроватей и ящики с бумагами. Стены, потолок и полы необходимо было обработать от грибка.

– Кладовку мы освободили от прежнего хлама, но уже загромождали своим, – сказал Юра, демонстрируя ведра с краской, кисти, рулоны обоев, валики, рабочую одежду, инструменты. – Поэтому пока верхнюю одежду пристраиваем на вешалки, а вот тут – обувница, хорошо? Постепенно все до ума доведем, но ведь уже и то, что сейчас, – огонь, да, девчонки?

Мы с Ксюшей были полностью согласны с Юрой. Дочка носилась по всему дому, да и мне хотелось делать то же самое, настолько очаровало меня это место.

– Как мы ребенка сегодня будем спать укладывать? – вздохнула я.

Юра прижал меня к себе и спросил:

– Скажи честно, ты довольна? Счастлива?

– Честно? – Я сделала вид, что задумалась, а потом широко улыбнулась. – Очень довольна. Безмерно счастлива.

– Видишь, я был прав, когда говорил, что нечего пробовать, – надо рвать с прошлым и начинать новую жизнь здесь!

И мы начали.

И первые недели две все было настолько хорошо, насколько это вообще возможно.

Жизнь шла под девизом «Впервые на новом месте»: «первая ночь в новой спальне», «Ксюша впервые пошла в школу из нового дома», «первые выходные и первые майские праздники»...

Потом суматоха постепенно улеглась, от происходящего перестало захватывать дух; я привыкала готовить еду и обедать в просторной кухне-столовой, спать в комнате с видом на палисадник, подниматься и спускаться по плавно изгибающейся лестнице с ажурными перилами.

Дом впервые показал свое звериное, жуткое лицо одиннадцатого мая, но я этого поначалу не поняла.

Юра был на работе, Ксюша в школе. Я застелила постели на втором этаже и спускалась на первый, обдумывая, что приготовить на обед, когда увидела человека.

Я даже не успела сообразить, кто это был, во что одет тот человек, мужчина это или женщина. Кто-то быстро пересек холл и скрылся из виду. Было похоже, что человек прошел из нежилого левого крыла дома в столовую.

– Эй, постойте!

Мне подумалось, это кто-то из рабочих, они временами продолжали приходить, что-то доделывать. Иногда Юра забывал предупредить меня. Может, и сейчас произошло подобное?

Но тогда муж, получается, дал рабочим ключи?

Я спустилась вниз, продолжая звать незнакомца, еще не испугавшись, не подумав, что проникший в дом человек мог оказаться вором (и тогда мне грозит опасность).

В столовой было пусто. Я проверила обе двери – заперты. В доме никого не было, только я. Выходит, мне показалось? Тень неудачно упала или какая-то оптическая иллюзия? В глубине души я не верила в это, но ведь других объяснений не существовало, и мне пришлось удовольствоваться этим.

Через день все повторилось, только на этот раз было более определенно. Я вошла в столовую и увидела человека. Мужчину, стоявшего вполборота в противоположном конце комнаты, возле стеклянной двери во дворик.

На краткий миг мне подумалось, что это Юра, но я сразу поняла: нет, не он. Одежда – черный пиджак или сюртук, брюки, белая рубашка, шляпа – выглядела старомодно, лицо слишком бледное, к тому же мужчина был старше Юры.

Я вскрикнула, а незнакомец, словно и не заметив меня, сделал шаг вперед, к большому холодильнику. В этот момент что-то грохнуло в холле, и я инстинктивно обернулась, а когда снова поглядела на странного гостя, его уже не было.

Преодолевая страх, я подошла ближе к месту, где он стоял. Куда он подевался? Так быстро выйти во двор не мог... Или мог?

Старинная одежда, молчаливость, бледность – это что, был призрак? Кто-то из предков Юры?

Но я не верила в призраков. Была (по крайней мере, тогда) человеком здравомыслящим и рациональным. Все-таки это был кто-то из рабочих. Был – и вышел во двор.

Нужно позвонить Юре, спросить, не давал ли он кому-то ключ, не договаривался ли, что придут мастера. Телефон оставался в спальне, и я пошла за ним. Оказавшись в холле, увидела очередную странность. Дверь в нежилую гостиную, обычно запертая на ключ, была нараспашку. Отсюда и грохот: она открылась, ударившись о стену.

Через минуту я, слегка задыхаясь, рассказывала обо всем мужу. Вопреки моим ожиданиям, он оказался спокоен.

– Я, кажется, оставил дверь открытой. Показалось, что батареи гудят, я зашел проверить и, видно, не запер на ключ. Просто прикрыл, а она распахнулась от ветра.

– От какого ветра?

– От сквозняка, наверное. Лора, успокойся. Привидений не существует. Дубликат ключа есть у бригадира, я еще не забрал. Наверное, один из ребят заходил, я узнаю сейчас.

– Из ребят?! В сюртуке и шляпе, как из костюмерной драматического театра? Они всегда так одеваются, когда ремонт делают?

– Не язви. Ты просто не разглядела. А вообще да, обычно одеваются во всякое старье, ты точно подметила. Прости, Лора, работы по горло, я побежал.

Мне хотелось ему поверить – помните про мою рациональность, да? Настолько хотелось, что вечером, когда Юра вернулся с работы, я даже не стала спрашивать, в самом ли деле кто-то из рабочих приходил утром в наш дом, чтобы не получить отрицательного ответа.

К тому же Юра был спокоен, и я сказала себе: если бы он считал, что нам с Ксюшей что-то угрожает, принял бы меры. Он не делает этого, не беспокоится, не просит подробнее описать утреннего гостя, следовательно, все хорошо. Все в порядке.

А потом я увидела девочку.

Глава шестая

Это произошло через два дня после того, как я то ли увидела, то ли не увидела мужчину в нашем доме.

День шел своим чередом, я снова была одна и готовила обед. Делала куриный рулет с грибами и черносливом по новому рецепту, а это требует полной сосредоточенности и внимания.

Поставив противень в духовку, вымыла руки и бросила взгляд в окно.

Она была там. Девочка.

Стояла посреди двора, который мы еще не успели привести в божеский вид. Девочке было лет семь или чуть больше, просто она выглядела младше, поскольку была очень хрупкой и худенькой. Большие печальные глаза, бледное личико с тонкими чертами... Ангельский лик, подумалось мне, девочка была безупречно и даже возвышенно красива, если можно так сказать.

На ней было светло-голубое платье с белым поясом – длинное, с кружевной отделкой. Изящное, как на антикварной кукле ручной работы.

В первую секунду я подумала, что это соседская девочка. Точнее, мой мозг выдвинул эту версию, отчаянно надеясь, что она окажется верной. Я медленно пересекла кухню и подошла к окну. Отвела в сторону занавеску и...

И девочка исчезла. Ее как будто стерли ластиком. Когда я отдернула штору, двор был пуст. Повинуясь порыву, я открыла дверь и вышла наружу. Могла же девочка отбежать в сторону, скрыться с глаз, спрятаться?

Солнце светило, вдалеке звенел летящий по рельсам трамвай, в чьей-то машине во всю мощь играл хит, успевший надоесть до тошноты. Обычная жизнь – люди, голоса, разговоры, песни, машины, трамваи. Девочка не вписывалась в эту реальность, она была...

«Правильно, нездешней! Это призрак!» – подумала я почти спокойно. Обошла дворик, хотя очевидно было, что никого тут нет, кроме меня.

А когда повернулась, чтобы вернуться в дом, мне будто пощечину дали. Таинственная девочка стояла в кухне, возле окна, где недавно стояла я сама, и смотрела на меня пристальным, тяжелым, недетским взглядом.

«Нет. Не может быть. Так не бывает».

Я прижала ладони к глазам, желая стереть эту девочку, этот жуткий взгляд.

Когда отвела руки от лица, девочка снова пропала, но порадоваться этому факту я не смогла, потому что, подойдя к двери, обнаружила, что она заперта.

Я дергала и дергала ручку, но открыть дверь не удавалось. Ситуация была патовая: в духовке стоит рулет, телефона у меня при себе нет, так что позвонить Юре я не смогу, обе двери заперты!

На некоторое время мысли о призраке вылетели у меня из головы. Я заметалась по двору, пытаюсь найти выход из создавшейся ситуации. Как попасть в дом? Как открыть дверь? А ведь скоро за Ксюшей идти, я обещала забрать ее пораньше.

Я уже готова была разбить окошко, но тут услышала веселый голос:

– Воздухом дышишь? А я недалеко была, мне надо Юре кое-какие бумажки отдать, дай, думаю, завезу и тебя проведу!

Агата! Мой ангел-хранитель!

Я бросилась к воротам, открыла их, чтобы подруга могла загнать машину.

– Слава богу, ты тут! – тараторила я.

– Я, конечно, надеялась, что ты мне обрадуешься, но не ждала такой горячей встречи, – сказала Агата, заглушив мотор.

– Ты уж точно что-то придумаешь!

– Что случилось? – улыбка исчезла с ее лица, уступив место тревоге. – Тебе нехорошо? Ребенок...

– Все в порядке с ребенком! Просто я вышла в сад, а дверь захлопнулась, ключи внутри остались, телефон тоже.

Агата шла со мной к дому. Взялась за ручку входной двери, потянула.

– У меня тоже нет ключа. Говоришь, кухонная дверь закрылась? Как она могла? Там же не английский замок, насколько я помню.

Я не ответила, ответа не было и у меня. Мы обогнули стену дома и вышли на задний двор. Агата решительно двинулась к двери, прикидывая, видимо, как будет ее открывать без ключа, но едва мы успели приблизиться к ней, как стало ясно, что открывать ничего не придется.

Дверь была приоткрыта.

– Но как же... Это же... Клянусь тебе, она была заперта, я пыталась ее открыть, но никак не получалось.

Агата смотрела на меня.

– Ты мне не веришь? Но все было именно так! И эта девочка... – Я осеклась. Про девочку говорить не собиралась, но теперь придется.

– Что за девочка?

– Маленькая. Лет шести или старше. Одета в старинное платье. Сначала она была снаружи, я вышла, но она пропала. Потом девочка оказалась внутри, а дверь закрылась.

Я говорила и слышала, как это звучит. Как бред сумасшедшей.

Агата, кажется, не верила мне. А кто поверил бы на ее месте? И все же я чувствовала, что во мне закипает раздражение. Почему проще решить, что я рехнулась, нежели попробовать представить, что потусторонние проявления существуют? Все кругом твердят, что верят в Бога, но разве он не явление того же порядка? Не выходец из мира, отличного от материального?

– Пойдем-ка в дом, – сказала Агата и пошла первой.

– Рулет! – воскликнула я и метнулась к плите. К счастью, он не подгорел.

– Вот документы для Юры, – сказала Агата и положила бумаги на стол.

Она принялась объяснять, что это такое, но я особо не вслушивалась. Поняла только, что дела идут хорошо, и час, когда все юридические формальности будут улажены, неизбежно приближается.

– Отлично, – произнесла я, продолжая обдумывать произошедшее.

– Ты что собиралась делать? – спросила Агата нарочито небрежным тоном. – В смысле, сейчас. Обедать?

– В школу надо, Ксюшу забрать.

– Давай-ка я сама ее заберу. У меня есть время, я на машине, мне нетрудно. А ты пойд и поспи, отдохни немножко.

Я попыталась возразить, но не слишком категорично. Может, она права. Я неважно сплю в последнее время, а врач сказал, нужно больше отдыхать.

Агата уехала, я пошла в спальню и легла. Никаких девочек в нарядных платьях и мужчин в сюртуках. Глаза закрывались сами собой. Заснула я быстро, а разбудил меня назойливый звук. Он доносился с первого этажа, и поначалу мне показалось, что это обрывок моего сна.

Но, полностью проснувшись, я убедилась, что слышу все наяву: кто-то ударял пальцем по клавише пианино – по одной и той же, раз за разом, с тупым упорством, и низкий звон плыл по дому, был назойливым, неотвязным.

Я встала с кровати. В чем дело? Ксюша уже вернулась, Агата привезла ее, и теперь дочка балуется в гостиной? Нет, не похоже. Она знает, что заходить в запертые комнаты нельзя, хотя ключи и торчат в дверях. И потом, долбить по клавишам, зная, что я отдыхаю, Ксюша не стала бы, и Агата ей не позволит!

Значит?..

Я встала с кровати и на цыпочках, зачем-то стремясь двигаться бесшумно, подошла к двери. Припала ухом к деревянной поверхности, прислушалась. В доме было тихо-тихо, только монотонное «бом-бом-бом» разносилось по комнатам.

Внезапно пианино смолкло, зато хрустко повернулся ключ во входной двери, послышался звонкий Ксюшин голосок. Она что-то говорила, Агата вполголоса отвечала.

Порадовавшись, что больше не одна в доме, я поспешно спустилась вниз.

– Мамуль! – закричала Ксюша, увидев меня. – А мы ходили в пиццерию, я съела вот такой кусок и мороженое! И еще меня похвалили, потому что я быстрее всех в классе читаю!

У дочки был такой довольный вид, что я не решилась заикнуться про рулет, с которым провозилась все утро. Он явно останется невостребованным. Что ж, Юра поест.

Я бросила взгляд на часы. Ого, уже почти пять! Я проспала несколько часов.

– Агата, пойдем чаю попьем и рулет...

– Нет, спасибо, но мне пора, – отказалась Агата. – А ты посвежела, похорошела. Больше спи, мамочка!

Она чмокнула меня в щеку. И тут звук раздался снова: кто-то баловался с пианино, изо всех сил ударяя по клавише.

– А еще около пиццерии мы видели такого большущего кота! Да ведь?

Агата с улыбкой кивнула.

Дочка говорила еще что-то, но я не понимала слов.

– Вы слышите? – быстро проговорила я.

– Огромный полосатый кот! Я тоже хочу, чтобы у нас был...

– Да погоди ты! – резко оборвала я Ксюшу – Помолчи хоть секунду! Слышите? Этот звук? Как назло, в этот момент все прекратилось.

– Лора, о чем ты? – спросила Агата.

Снова звон. Что за издевательство! Оставив дочь и подругу в холле, я подскочила к двери, отперла замок и влетела в гостиную. Вот оно, пианино. И никого возле него, хотя я могла поклясться, что звук раздавался еще секунду назад!

Огромное зеркало, стоявшее в углу, было повернуто таким образом, что себя я в нем не видела. Там промелькнул силуэт, тень проскользнула!

«Оно вышло из зеркала, а потом снова убралось обратно в зазеркалье», – подумала я. Жуткая мысль.

– Лора, что с тобой?

Я повернулась к Агате и Ксюше. Дочка стояла, прижавшись к Агате, обиженно глядя на меня. Ну конечно, я же практически велела ребенку заткнуться!

– Все хорошо, просто... – Я подошла к Ксюше, присела перед ней на колени, обняла. – Прости меня, котенок. Пожалуйста, прости, я не должна была так говорить!

Тело ее было напряженным, но вскоре она перестала сердиться, обняла меня в ответ. Ксюша была отходчива, не умела долго дуться.

Она ушла в свою комнату, а мы с Агатой остались одни. Взгляд у нее был встревоженный и вместе с тем задумчивый. Гадает, наверное, что со мной не так.

– Извини, – пробормотала я. – На Ксюшу сорвалась.

– Тебе послышалось что-то?

То привиделось, то послышалось...

– Кто-то ударял по клавише. Снова и снова. Ты ничего не слышала? – Я спросила почти умоляюще, хотя и так ясно было, что нет. Звуки жили в моей голове.

– Думаешь, стала бы врать? Но Ксюша громко говорила, может, и было что, только мы не слышали.

Агата сказала это, чтобы меня успокоить, ободрить.

– Прости. – Не зная, как оправдаться, что сказать, я умолкла.

– Это все гормоны, – твердо сказала Агата. – Кто-то мел ест, кто-то огурцы соленные с вареньем, а тебе мерещится.

Я хмыкнула.

– Все, выброси это из головы и живи спокойно. – Подруга открыла дверь и вышла из дома; я поплелась за ней к машине. – Мне в самом деле пора уже.

– Не говори Юре, пожалуйста. Он будет переживать.

При мысли о том, что Агата расскажет Юре про девочку и звуки из пустой гостиной, а он в ответ поделится с ней моим заявлением о появлении мужчины в костюме, мне стало дурно.

Агата взяла меня за руку.

– А вот сейчас обидно было. Думаешь, я передаю другим все, о чем мы с тобой говорим?

Я поняла, что сморозила глупость.

– Прости. – Только и делаю, что извиняюсь сегодня! – Конечно, нет.

Агата открыла дверцу машины.

– Лорик, до связи, я покатила. А то спорола бы твой рулет за милую душу, даже не сомневайся.

– Хочешь, я тебе с собой дам? У меня пластиковый контейнер есть, – переполошилась я, спрашивая себя, почему мне раньше не пришло в голову это предложить.

– Спасибо, но я наемся сегодня. – Агата чуть покраснела. – На ужин иду.

Мне пришло в голову, что они с Виталием помирились. Подруга больше не говорила о бывшем женихе, и я, подчиняясь ее желанию забыть, тоже молчала с новогодней ночи, не задавала вопросов. Агата держалась стойко, а в последнее время вроде бы выглядела более радостной. Может, личная жизнь стала налаживаться? Я со своими заботами и не догадывалась поинтересоваться.

– У тебя появился кто-то? – осторожно спросила я.

Агата усмехнулась, убрала за ухо прядь волос и покачала головой.

– Обычная деловая встреча. Ничего больше.

– Но с мужчиной же? – уточнила я.

– С мужчиной.

– Так, может, очень даже «чего!»

– Лора, ему сто лет, он весит центнер и называет всех женщин «цыпами».

Я закатила глаза.

– И тебя?

– А я не просто женщина. Я его адвокат. Мне предстоит, как выражаются герои американских боевиков, спасти его задницу.

Агата уехала. Ксюша возилась с куклами наверху, а я вернулась в дом и теперь стояла и смотрела на пианино. Ни единого звука, ни малейшего следа чужого присутствия.

Я закрыла дверь и заперла ее на ключ, пытаюсь отгородить себя от призраков, демонов и прочих ужасов.

Если бы это было так просто...

Глава седьмая

Наступившие вскоре выходные мы провели дома в трудах и заботах, как сказал Юра. Он решил, что пора заняться обустройством заднего дворика. Дел было выше крыши: спилить старое сухое дерево и разросшиеся кусты, выкорчевать пни, сделать клумбу и высадить цветы.

– Вот тут поставим маленький бассейн для Ксюши, – сказал Юра, и дочка захлопала в ладоши. – Посадим газонную траву. А вот здесь будет столик со стульями: тень от дома падает, в самое жаркое время должно быть прохладно.

У меня вдруг мелькнуло в голове, что я не хочу сидеть в тени, которую отбрасывает дом, но я подавила эту мысль.

Разумеется, весь объем работ мы осилить не смогли бы, Юра нанял рабочих, которые должны были пилить, корчевать, копать, а наше дело в общем-то сводилось к тому, чтобы путаться под ногами (Ксюша), осуществлять общее руководство (Юра) и заваривать кофе, предлагать сок и лимонад, угощать печеньем (я).

Работы велись два дня, и все это время я была на кухне. Юра периодически спрашивал, не устала ли я, не нужно ли мне прилечь, но я отказывалась. По правде сказать, когда в доме было много людей, звучали голоса и смех, мне было спокойно; куда лучше верилось, что случившееся со мной ранее являлось лишь плодом буйной фантазии вкупе с разыгравшимися гормонами.

Глядя, как рабочие возятся в саду, я подумала, что, возможно, они, в ходе своих раскопок, могут найти там что-то зловещее, загадочное, но вместе с тем объясняющее появление призраков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.